

М. М. Шевченко

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА,
МОСКВА, РОССИЯ

Политический портрет С. С. Уварова (1786–1855): «Без Русской Церкви нет Российской Империи»

Аннотация. Статья представляет собой очерк политического портрета С. С. Уварова, одного из выдающихся государственных деятелей александровской и николаевской эпох. Так сложилось, что историческая литература до Новейшего времени не столько изучала его деятельность, сколько боролась с его тенью. Лишь по мере постепенной реконструкции и осмысления консервативной составляющей исторического процесса в отечественной науке и литературе стало увереннее говорить об Уварове как о политике, заложившем основы целостной и полноценной системы отечественного образования. На её основе выросли социокультурные изменения в обществе, послужившие исходной и необходимой базой всех реальных достижений второй половины XIX — начала XX в. в области государственного строительства, развития гражданского общества, науки, литературы, искусства. По своему мировоззрению Уваров был близок консервативному европейскому романтизму, придававшему исключительно важное культурообразующее значение национальной религии. Изучением же России, её прошлого и настоящего, Уваров занимался лично. Он принципиально усилил и расширил этот компонент в отечественном образовании, которое в духе политики императора Николая I превратилось при его непосредственном участии и руководстве в полноценную систему. Переосмыслив

свой служебный и политический опыт в правление императора Александра I, Уваров предложил его преемнику использовать отечественное просвещение в его консервативной модели как стратегическую подготовку упразднения в России крепостного права. Новое поколение должно было стать «прежде Русским по духу, нежели Европейцем по образованию», лучше знать «Русское и по-Русски», чем его вестернизированные предшественники, и обладать нравственной потребностью предоставить своим крепостным свободу подобно тому, как последние должны быть подготовлены ответственно её принять. Впервые вводится в научный оборот одно из поздних малоизвестных или неизвестных рукописных сочинений Уварова, посвящённое отношениям государства с Церковью в России, важное для понимания его исторического значения как политического мыслителя и государственного деятеля.

Ключевые слова: Россия, С. С. Уваров, консерватизм, либерализм, национализм, Александр I, Николай I, политика, Церковь, православие, католичество, протестантизм, просвещение, наука, цензура, триада «Православие, Самодержавие, Народность».

Для цитирования: Шевченко М. М. Политический портрет С. С. Уварова (1786–1855): «Без Русской Церкви нет Российской Империи» // Ортодоксия. — 2021. — № 3. — С. 42–72. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-3-42-72

Это был один из выдающихся русских государственных деятелей, отождествившийся с общественно-политической и культурной традицией, противостоявшей массовым настроениям интеллигенции и павшей в первой четверти XX в. в борьбе с революцией, сокрушившей историческое Российское государство. Видя Уварова не на «правильной стороне» истории, историография, будучи зависимой от дореволюционного «освободительного движения», а затем от тоталитарно организованной советской пропагандистской машины, полтора столетия формировала и поддерживала его отрицательный образ. Лишь по мере продвижения дела восстановления консервативной составляющей исторического процесса в отечественной науке и литературе стало увереннее говорить об Уварове как о политике, заложившем основы целостной и полноценной системы отечественного образования. На её фундаменте выросли те социокультурные изменения в обществе, которые послужили необходимой предпосылкой всех реальных достижений, пореформенного

как минимум времени в области государственного строительства, развития гражданского общества, науки, литературы, искусства.

Потомок старинного дворянского рода, Сергей Семёнович Уваров был сыном блестящего конногвардейца — флигель-адъютанта, крестником императрицы Екатерины II, племянником участника заговора 11 марта 1801 г. генерала Ф. П. Уварова. Судьба предназначила его быть рождённым при дворе потомственным слугою двух монархов, найдя себя в сфере, максимально близкой к развитию русской науки и просвещения.

Получив домашнее образование под руководством французского аббата-эмигранта, он впоследствии самостоятельно изучил классические языки и словесность под руководством академика Ф. Б. Грефе и стал европейски известным учёным-филологом.

В 1801–1810 гг. он служил по ведомству иностранных дел, с 1806-го находясь на дипломатических должностях в Европе. В 1810–1821 гг. являлся попечителем С.-Петербургского учебного округа. С 1818 г. и до конца жизни был президентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук, в 1833–1849 гг. — министром народного просвещения. В продолжение жизни он сделался почётным членом едва ли не сотни отечественных и зарубежных научных обществ и академий.

Становление Уварова как личности в юные годы протекало под влиянием учёно-литературного мира Франции и Германии, общения с А. Шлегелем, Г. Штейном, И.-В. Гёте, А. Гумбольдтом, Ш.-Ж. де Линем, Ж. де Сталь, К.-А. Поццо ди Борго и другими знаменитостями того времени. Он рано и быстро приобрёл широту интеллектуальных интересов в сочетании с тонким эстетическим вкусом, тягу к античным древностям, любовь к исследованию и стремление к постоянному самообразованию. Вместе с этим он быстро проникся распространявшимся тогда в Европе романтическим умонастроением, усвоив себе взгляд, что современное направление развития европейских народов разрушает всё наиболее совершенное и благородное в области их духовной культуры. Широкую известность и авторитет в научных кругах Европы ему принёс «Проект азиатской Академии» (1810 г.) и особенно «Опыт об элевсинских таинствах», за который его удостоил в 1816 г. своим почётным членством Институт Франции, где иностранцев с таким званием было тогда не более восьми человек.

Его управление столичным учебным округом сопровождалось публичными, в том числе печатными, выступлениями, где он, будучи вторым по значению лицом в ведомстве народного просвещения, пространно

излагал общемировоззренческие мотивы своей административной деятельности. Важнейшим орудием просвещения народа он считал историю. Её он в духе современной западной религиозной философии понимал как процесс борьбы человечества за постепенное воплощение в общественных отношениях идей христианства. Правильно преподающий историю должен проливать «на сей огромный хаос благодетельный луч Религии и Философии. С сими двумя светилами может человеческий ум найти везде успокоение и достигнуть до той степени убеждения, на которой человек почитает сию жизнь переходом к другому, совершеннейшему бытию» (Уваров 1813: 2, 23–24, 25).

От немецких романтиков он воспринял органическое понимание жизни народов и государств: «Государства имеют свои эпохи возрождения, своё младенчество, свой совершенный возраст и, наконец, свою дряхлость» (Уваров 1818: 53). Поскольку элементы государства или общества связаны между собой не механически, а органически, целенаправленное преобразование каждого такого организма должно происходить в строгом соответствии с познанными законами его исторического роста. Тиранический произвол, идущий или сверху, или снизу, приведёт к культурной катастрофе. Всякий действительно процветающий народ или государство на всех этапах своего развития сохраняет своё неповторимое культурное лицо — «народный дух», — своё неповреждённое органическое единство. Тенденции новой европейской истории представляют для него угрозу: «Быстрый ход наук и художеств, сильное распространение роскоши и общежития, направление к торговле сблизили между собой все Государства Европы. Сей порядок вещей, искоренив мало-помалу почти в каждом Государстве народный дух, готовил медленную пагубу Европе» (Уваров 1813: 22).

Грянула Французская революция, принёсшая «столько бесполезных преступлений и бедствий». Волей провидения монархия в конце концов была восстановлена, что свидетельствует о незыблемости «права царей», народы же, отстаившие свои освящённые преданиями истории престолы, должны быть справедливо вознаграждены в своих лучших стремлениях. Поэтому государи и их подданные должны теперь принести «взаимную жертву самовластия и безначалия», — Уваров участвовал таким образом в формировании общеевропейской идеологии легитимизма (Уваров 1814: 47–48). В отличие от Европы, в России, по его мнению, «народный дух» оставался ещё достаточно прочен. Его следовало сохранять,

как и «тот изящный характер, на который ныне Европа смотрит как измождённый старец на бодрость и силу цветущего юноши» (Уваров 1813: 24). По мере того как под сенью скипетров христианских государей народы нарастят общественную добродетель и достигнут «истинного просвещения», которое есть не что иное, как «точное познание... обязанностей человека и гражданина», должна наступить конечная цель развития человеческого разума — политическая свобода.

Неясным из выступлений Уварова оставалось то, как же именно он намерен был в России сочетать достижение последней с сохранением в целости «народного духа». Важно отметить, что, восхваляя политическую свободу как «последний и прекраснейший дар Бога» и определяя Россию как «младшего сына в многочисленном европейском семействе», Уваров следовал за императором Александром I, строго в диапазоне либерализма последнего. Речь столичного попечителя 22 марта 1818 г., содержащая подобные суждения, была откликом на речь монарха 15 марта при открытии сейма в Варшаве, где Александр сказал о возможной перспективе конституции в России.

Закономерным в интеллектуальной биографии Сергея Семёновича выглядит, конечно, и, быть может, не очень заметный, но тем не менее важный опыт частной полемики со столь выдающимся представителем современного европейского консерватизма, как политический и религиозный философ граф Ж. де Местр. Эта полемика, по-видимому, способствовала его собственному идейному созреванию. Молодой попечитель о русском просвещении полагал, что ради морально-политического оздоровления Европы после опыта революции и наполеоновских войн должно последовать объединение усилий христианских вероисповеданий, ради которого он тогда допускал «надконфессиональный» эклектизм или синкретизм. Ради этой цели он полагал, что Римско-Католическая Церковь должна быть реформирована. Старый дипломат, твёрдый роялист и католик, проявив предельную сдержанность в частной переписке, ответил на подобные предположения сочинением «Писем к русскому дворянину об испанской инквизиции», где «он впервые защищал церковь с ультрамонтанских позиций» (Дегтярёва 2009: 204). «...католик, равнодушный к масонской мистике, и православный, одно время увлекавшийся экзегетикой, привлечённые друг к другу надеждой на христианское объединение Европы, разошлись в противоположных направлениях, первый — в сторону папской власти, вто-

рой — Православия и самодержавия, — заключает современный исследователь. — Товарищи по консервативному лагерю в момент переписки обнаружили больше несходства, чем взаимопонимания, а оппоненты, разведённые по разным углам политического “ринга” конфессиональными и государственными интересами, продемонстрировали удивительное единодушие в отношении священных основ государственной власти» (Дегтярёва 2009: 210).

Будучи в числе основного круга участников знаменитого литературного общества «Арзамас», Уваров вместе с Д. Н. Блудовым, Д. В. Дашковым, В. А. Жуковским, с которыми его объединяло, помимо прочего, самое глубокое уважение к Н. М. Карамзину, постарался отклонить желания Н. И. Тургенева, М. Ф. Орлова, П. А. Вяземского придать обществу отчётливо политический характер. В понимании Уварова добиться политической гармонии помимо или вопреки исторической монархии было невозможно. Поскольку наличествовавший уровень просвещения был невысок, он полностью исходил из необходимости опираться на исторически сложившийся политический и социальный строй.

Ступени образовательной системы, над устройством которой он трудился, должны были соответствовать российской сословной иерархии. Он преобразовал Главный педагогический институт в Санкт-Петербургский университет, учредил в нём преподавание восточных языков и литератур, реформировал учебные планы гимназий и уездных училищ — что было распространено на все учебные округа империи, — принял организацию при университете особого института по подготовке учителей для учебных заведений низшей ступени. Основанием в 1818 г. Азиатского музея при Академии наук, который пополнил специально приобретённой коллекцией из семисот восточных рукописей французского дипломата и ориенталиста Ж.-Б.-Л. Руссо, Уваров заложил основы отечественного востоковедения.

Преобразовательные опыты были прерваны острым конфликтом с новым руководством ведомства народного просвещения, которое в 1817 г. в духе теократических мечтаний Александра I было оформлено как Министерство духовных дел и народного просвещения. Уваров воспротивился обскурантским тенденциям, переросшим в гонения против университетов, которыми увлеклись приближённые министра А. Н. Голицына теперешние неофиты-христиане М. Л. Магницкий и Д. П. Рунич. Когда по обвинению в преподавании «богохульственных

и пагубных доктрин» профессора Петербургского университета предстали перед судом, Уваров в резкой форме потребовал суда над ним самим, если виновность подсудимых будет доказана. В июле 1821 г. в знак протеста он подал в отставку с поста попечителя столичного учебного округа. Император сохранил его на службе в прежнем объёме, переведя в Министерство финансов на должность директора Департамента мануфактур и внутренней торговли. В борьбе с «мистической партией» Уварову оказывал поддержку будущий император Николай Павлович.

Небольшая доля характерных для «дней Александровых прекрасного начала» (А. С. Пушкин) оптимистических ожиданий относительно преобразований в либерально-эгалитарном духе, бывшая прежде у Сергея Семёновича, была окончательно скомпрометирована в его глазах в 1820-х — начале 1830-х гг. «Священные права царей» вновь стали ниспровергаться. Декабристский заговор, окончательное падение Бурбонов во Франции, ожесточённая и кровопролитная война с польскими инсургентами, общее брожение в Европе развеяли мечты о том, что по одному мановению монарха на Россию изольётся море просвещения, и явленная вполне естественно гражданская и политическая свобода водворит социальную гармонию. Теперь Уваров отчётливо видел во всём этом опасные «иллюзии императора Александра».

Трагедия либерально настроенного императора, по его мнению, состояла в том, что «он не понимал своей страны, не знал ни её нужд, ни её предрассудков, ни её страстей»¹. Ответ о причинах распространённости подобных иллюзий тогда напрашивался сам собой: «Россия ещё слишком мало известна Русским» (А. С. Пушкин). Желание ради торжества «европейских понятий» совершить насилие над органическим ходом русской жизни, в понимании Уварова, было результатом отчуждения от «народного духа». Характерно, что в 1820-е гг. он совершал длительные поездки по России, отсутствуя с разрешения императора Николая I на заседаниях Комитета устройства учебных заведений. Приобретённые таким путём познания весили для него как минимум не меньше, чем общение с учёно-литературным миром Европы и собственные кабинетные штудии. «Те 5 или 6 лет, которые я таким образом провёл, — писал он в воспоминаниях, — мне доставили, осмелюсь сказать, точное и глубокое знание моей страны, которого без этого средства

¹ Уваров С. С. *Étude de l'Empereur Alexandre* // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. (Далее — ОПИ ГИМ.) Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 122–122 об.

я никогда не смог бы достичь»². В это же самое время он с разрешения императора послал ему одну за другой несколько записок, главная среди которых — «О крепостном праве в России», — по замыслу Уварова, должна была нейтрализовать влияние на ещё неопытного монарха либеральных тенденций, исходивших от председателя Комитета 6 декабря 1826 г. графа В. П. Кочубея — бывшего конфиденанта политических мечтаний монарха почившего.

Крепостное право, полагал Уваров, изначально отсутствовало в феодальном укладе Древней Руси, под которым он в духе «норманнской теории» понимал привнесённое извне германское начало. Оно есть следствие и результат всей её дальнейшей исторической судьбы. На своём многовековом пути она смогла преодолеть татаро-монгольское завоевание, политическую немощь, материальное оскудение, гражданскую войну, иностранную узурпацию и анархию Смуты, лишь создав и укрепив самодержавие. А это до необходимой степени потребовало постепенного утверждения крепостничества «как неизбежное следствие одного из другого». В научном отношении весьма сложно, а с политической точки зрения и бесполезно искать абсолютной точности в вопросе о том, кто, когда и каким конкретно нормативным актом его ввёл и им ли именно его утвердил. Достаточно знать, что «последним, кто приложил здесь руку, был Пётр I». Далее оба начала — самодержавие и крепостное право — подверглись изменениям под влиянием цивилизации XVIII в. и по настоящее время не остаются неподвижными. В нынешней России «могучая власть, которая ею правит, столь же далека от чистого деспотизма, как то крепостничество, которое существует в настоящее время, удалено от рабства» (Шевченко 2018: 349).

Но цивилизация XVIII в. влияла не только положительно. В «последний период нашей истории» — минувшее царствование — наряду с началом крепким, «органическим», «жизненным» проявилось и другое — «искусственное и иногда ребяческое». Причём инициировало его правительство. И теперь, писал Уваров, «очевидно, что у нас общество следует путём, движение по которому не находится в руках людей, стоящих у власти». В нём заложен потенциал нездоровых политических тенденций. Правильный подход к оценке значения и перспектив развития отечественных социальных и политических институтов был нарушен, и произошло «великое колебание во всём, что связано с принципами

² Уваров С. С. *Essai d'autobiographie, dédié à mon fils* // ОПИ ГИМ. Ф. 17. Ед. хр. 122. Л. 18.

и духом правления. Вместо того чтобы рассматривать вещи в их совокупности, кинулись то к одной идее, то к другой. Не принимая во внимание первопричину правления, сказали: “Никакого крепостного права. Его не существует ни в Англии, ни во Франции, оно должно перестать существовать в России”» (Шевченко 2018: 351). Потерпев поражение, энтузиасты либеральных доктрин из окружения императора Александра «пустили в ход демократию... жалкую, двусмысленную, которая несла скорее дух злопамятного упрёка, чем видимость благородной воли ради дела, которое не лишено одобрения в Европе. Принялись оскорблять дворянство, осыпать насмешками аристократическую славу, интриговать против старых предубеждений, всецело сохраняя свои собственные пристрастия, повторять затверженные аксиомы...» (Шевченко 2018: 351). Когда же на международном горизонте сгустились тучи и грянул гром наполеоновского нашествия, «заметили, что дух народа ничего не выиграл от этих либеральных перебранок, что опоры государства были там, куда их поместила сила вещей, и надо было, в конце концов, обратиться к этим естественным основам, чтобы от них получить спасение страны...» (Шевченко 2018: 352).

Пора уже наконец, призывал Уваров, раз и навсегда поставить точку в абстрактно-теоретических морально-философских спорах и не тратить понапрасну время: «...Крепостное право, в принципе, не может быть защищено никаким разумным и искренним аргументом; излишне собираться против него анафемы, которых никто не оспаривает, и давно исчерпанные сарказмы. К этой очевидной истине присоединяется принцип не менее положительный: крепостное право может и должно быть отменено...» (Шевченко 2018: 352). Истинная проблема заключается в том, как это поставить на подлинно практическую почву. Крепостное право, каково бы оно ни было, является живым органом общественно-государственного тела, который рос и развивался вместе с ним, и эта часть не может быть просто механически удалена без угрозы для жизни целого. Представляя возможные действия правительства, Уваров указывал три основных пути или способа действия.

Первый способ — именем самодержавия одним актом отнять у помещиков их право в пользу высшей власти. Уваров намекал, что именно к этому, по сути, стремился Негласный комитет 1801–1803 гг. Такая мнимая концентрация власти в действительности скоро привела бы к её распаду. Правительство постепенно оказалось бы без рычагов управления

на местах. Это станет вполне очевидным для того, кто учтёт особенности современного состояния страны, а именно: «...Малую зрелость простого народа, огромное интеллектуальное пространство, которое отделяет его в России от высших классов, наследственную привычку к того рода гражданской и политической опеке, которую представляет в наши дни крепостничество, ряд религиозных и нравственных идей, который установил иерархическую связь между троном и хижинкой, внутреннюю и домашнюю организацию с общим впечатлением феодального строя... разнородные части, из которых состоит империя, её необычайные размеры, её ресурсы, которые этим размерам не пропорциональны, это странное смешение культов, воспоминаний, традиций, происхождений...» (Шевченко 2018: 353). Объём реальной правительственной власти пойдёт на убыль, явится и начнёт расти «демократический элемент, разом спущенный с цепи», который будет нечем контролировать. И, таким образом, пойдёт процесс, который, начавшись моментальным упразднением крепостничества, завершится «демагогической реакцией» и «анархией», гибелью высших классов и падением трона.

Второй способ решения проблемы симпатичен тем, кто видит «в отмене крепостничества лишь вопрос личного интереса тех, кто обладает, и тех, кем обладают, лишь фискальную сделку, привилегию или монополию, таковых можно привести к мысли, что, уменьшив на порядок размер этой привилегии, ежедневно что-нибудь убавляя в её объёме, увеличивая разногласия обеих сторон, ссоря их под маской беспристрастности, умножая взаимные затруднения, можно было бы довести до абсурда отношения, которые были бы парализованы, и при том незаметно» (Шевченко 2018: 354). Но это будет, считал Уваров, ненужный акт лицемерия, который скомпрометирует власть, не достигнув цели. То есть другим, более извилистым путём правительство придёт к примерно такому же пагубному результату.

Для того, чтобы правильно наметить перспективы решения вопроса о крепостном праве — третий путь, — правительство должно усвоить, что российское высшее сословие на самом деле вовсе не представляет для него серьёзной политической угрозы. В этом отношении оно вовсе не похоже на свои западные аналоги. «...Когда бросаешь взгляд на то, что называется дворянством в России, — говорил Уваров, — видишь лишь странную амальгаму элементов самых пустых и разрозненных, только корпорацию без нравственной силы, корпорацию полуразрушенную,

обедневшую, которая живёт лишь при помощи нескольких исторических иллюзий, кое-какого усвоенного просвещения и права помещичьей собственности — единственного права, которое у него не похитило время. Можно ли добросовестно говорить об аристократии в стране, где в течение почти столетия она безразлично открыта всему свету, где ей даётся больше обязанностей, чем прав, и где она имеет в качестве единственной гарантии превосходство своей цивилизации и невежество низших классов?» (Шевченко 2018: 355). Правительству можно легко парализовать интриги, возбуждающие в дворянстве дух фронды, бывшие, по мнению Уварова, «одной из тайных причин наших последних смут» — мятеж 14 декабря 1825 г. он помещает, таким образом, в один ряд с гвардейскими заговорами XVIII в. Дворянство можно и необходимо постепенно увлечь на путь просвещения. Именно здесь, в «успехах цивилизации», заключаются шансы обеспечить безопасное упразднение крепостничества. «...Если цивилизация не действует на оба элемента сразу, она не достигнет своей цели, — подчёркивал Уваров. — Надо, чтобы под её влиянием господин и раб становились людьми духовно переродившимися, один — достойным дать свободу, другой — её принять» (Шевченко 2018: 356). На практике это представлялось Уварову как «политическое образование господ посредством идей» и развитие крестьянского промысла и торговли, а также увеличение путей к добровольному освобождению помещиками крестьян: «...Всякого рода соглашение между собственником и крепостным должно быть облегчено законом...» (Шевченко 2018: 356).

Отмена крепостного права должна представлять собой длительный процесс органического видоизменения страны, тщательно продуманную заранее правительственную систему мер, осторожно проверяемых и постепенно вводимых, которая должна сопровождаться ответным пробуждением и возрастанием созидательных сил народа. Общее благосостояние страны должно непременно возрасть. «Приходские школы для народа, университеты для высших классов и классов средних — вещи сами по себе добрые и прекрасные; но поскольку гражданские законы не будут строго исполняться, поскольку режим кнута будет произвольно господствовать в нашем законодательстве, поскольку промышленность и торговля останутся подчинённой угнетающим фискальным формам, поскольку духовенство без просвещения и достоинства будет и дальше нанятым за нищенскую плату народа, цивилизация останется бесплодной и истратит силы понапрасну... коренные, как говорят,

почти неизлечимые пороки нашей внутренней администрации... ещё долго будут противодействовать тому, что третье сословие сможет подняться и расцвести между обеими великими аномалиями, которые разделяют империю. Легко создать на бумаге эти средние классы, но невозможно заставить их жить...» (Шевченко 2018: 357). Освобождение крепостных должно сопровождаться построением новой иерархии власти, ибо «верховная власть не может находиться одна, лицом к лицу с нацией свободных людей; ни одна форма правления не может допустить абсолютное уравнивание» (Шевченко 2018: 357).

Наконец, «когда права всех и каждого будут ясно установлены, когда от уважения к лицам перейдут к уважению собственности, когда муниципальная система, приспособленная к положению страны, распространит по всем местностям выгоды бдительного управления, когда классы государства, точно определённые, обретут своё возможное благосостояние, каждый в своём соответствующем положении и все в их взаимном согласии, когда Россия будет покрыта цветущими городами, хорошо возделанными полями, высокодоходными мануфактурами, когда рынки отовсюду будут открыты для сбыта их продуктов, тогда великая проблема её политического существования будет решена, и новая форма правления, успешно родившаяся из наших старых учреждений, возвестит новую эру её истории» (Шевченко 2018: 358).

Руководя процессом, власть в любом случае должна «помногу выжидать время и не опережать естественный ход вещей». В целом для упразднения крепостного права необходим срок активной жизни двух или трёх поколений, то есть последние остатки крепостничества, по Уварову, должны были исчезнуть в России примерно в 1880-е гг. Освобождение крепостных фактически должно свершиться задолго до того, как его юридически констатирует собственно законодательный акт (Шевченко 2018: 359).

Рассуждения Уварова, очевидно, произвели впечатление на императора. Его вес в делах ведомства народного просвещения продолжал расти. Он по-прежнему заседал в составе образованного в 1826 г. Комитета устройства учебных заведений. Вместе с Д. В. Дашковым добился в 1828 г. замены «чугунного» цензурного устава министра народного просвещения А. С. Шишкова уставом, гораздо более мягким и удобоприменимым.

Своё назначение на пост министра народного просвещения Уваров ознаменовал лозунгом, ставшим впоследствии столь знаменитым, «Православие, Самодержавие, Народность», перефразировав,

по сути, общеизвестный тогда старинный военный девиз «За Веру, Царя и Отечество!». Историографическая традиция, следуя за либеральными историками второй половины XIX — начала XX в., накопила весьма обширный нарратив на тему так называемой «теории официальной народности», приписав её происхождение Уварову, максимально отнеся туда всё консервативное в правительственной и общественной политике и практике, что не подходило под штемпель «прогресса». При этом обыкновенно между собой почти не различались столь неодинаковые явления, как личные взгляды Уварова в их эволюции, правительственный лозунг «Православие, Самодержавие (официально всегда именно в таком, а не ином порядке. — М. III.), Народность», консервативные концепции исторического своеобразия России 1830–1840-х гг. (см.: Шевченко 2002).

Сам Уваров смысл своей тройственной формулы кратко выразил в двух докладах императору Николаю I в 1832 и 1834 гг. и впоследствии повторил в юбилейном отчёте за десять лет управления Министерством в 1843 г. Бесконтрольная европеизация, полагал Уваров, обрекает Россию на развитие по пути общественных катастроф, кровавых междоусобиц и конечную деградацию. Но возможность удержать страну от губительного скольжения по наклонной ещё остаётся благодаря некоторым спасительным началам, искони ей присущим.

Православная вера — для России первое и основное. С её ослаблением творческие силы народа обречены на угасание: «Без любви к Вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть; ослабить в них Веру, то же самое, что лишить их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении» (Доклады 1995: 71). Отметим здесь, что сильного влияния православной святоотеческой традиции на мировоззрение Уварова не прослеживается. Говоря здесь о православии, он, по-видимому, во многом оставался европейским консерватором-романтиком: характерно употребление в качестве синонима выражения «Народная вера (Religion national)».

Самодержавие является оптимальной формой русского державного бытия, «представляет главное условие политического существования России» (Доклады 1995: 71). Любое поползновение к его формальному, то есть институциональному ограничению неминуемо повлечёт снижение могущества, ослабление внутреннего мира и спокойствия страны. «Русский колосс упирается на самодержавии как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потря-

сает весь состав Государственный. Эту истину чувствует неисчисли-
мое большинство между Русскими; они чувствуют оную в полной мере,
хотя и поставлены между собой на разных степенях и различествуют
в просвещении и в образе мыслей, и в отношениях к Правительству. Эта
истина должна присутствовать и развиваться в народном воспитании»
(Доклады 1995: 71).

Вопрос о «народности» Уваров оставлял открытым, очевидно, адресуя
его решение творческим способностям и усилиям конкретных предста-
вителей отечественной образованности, готовых не пожалеть для это-
го своего труда и жизни. Здесь «всё затруднение заключается в согла-
шении древних и новых понятий... Государственный состав, подобно
человеческому телу, переменяет наружный вид свой по мере возраста:
черты изменяются с летами, но физиономия изменяться не должна.
Безумно было бы противиться сему периодическому ходу вещей...». С дру-
гой же стороны, нелепо, забыв самих себя, бросаться в погоню за «меч-
тательными призраками» — фетишами иноземной культуры, — «следуя
коим, нетрудно... наконец утратить все остатки Народности, не достиг-
нувши мнимой цели Европейского образования» (Доклады 1995: 71–72).

Основную мысль Уваров выразил с предельной ясностью — для того,
чтобы неизбежные с течением времени перемены не вызвали опас-
ных смут, необходимо утвердить в новом поколении европейски образо-
ванных русских людей неразрывную связь национального самосознания
с православной верой и чувством верноподданнического долга перед са-
модержцем. Конкретные же способы достижения такой цели, в том числе
и определение того, где — возрастные изменения, а где — признаки раз-
ложения и распада, он отнёс к техническим проблемам Министерства
народного просвещения.

Формула «Православие, Самодержавие, Народность» послужи-
ла девизом официального дискурса, предложенного правительством
учёно-литературной общественности. В течение пребывания Уварова
во главе Министерства ярким участием в нём отметились консервато-
ры и традиционалисты профессора Михаил Погодин, Степан Шевырёв,
академик Николай Устрялов, Николай Гоголь. Несколько менее ярко смо-
трелись в нём академики Александр Никитенко, Николай Плетнёв, не-
которое время им увлёкся молодой и популярный публицист, впо-
следствии радикальный западник Виссарион Белинский. В конце ни-
колаевского правления должное Уварову отдали популярные тогда

либералы-западники Тимофей Грановский и Николай Мельгунов. Все приверженцы Уварова имели те или иные проблемы с цензурой, куда могла вмешиваться тайная полиция — III Отделение императорской канцелярии, другие ведомства. В своём подмосковном имении Поречье, поместив в доме своё собрание античных памятников, Уваров завёл интеллектуальный клуб — «учёные беседы», в которых принимали участие гостившие у него Погодин, Шевырёв, Плетнёв, Грановский. Желанным гостем там был поэт, дипломат и цензор Фёдор Тютчев, возможно, бывал в молодости и славянофил Алексей Хомяков...

За шестнадцать или семнадцать лет своей министерской деятельности Уваров завершил формирование преемственных учебных программ трёх уровней образования: приходских училищ, уездных училищ, гимназий и пансионов, а также двух лицеев из четырёх. Было поднято на высокий уровень преподавание древних и новых языков в гимназиях. Примерно с 1840-х гг. студент в университете иностранные языки фактически не изучал: он ими пользовался. При этом Уваров был далёк от позднейшей фетишизации школьного классицизма. Древние языки в средних учебных заведениях рассматривались им по преимуществу как инструмент развития речи и мышления при известном, так сказать, дефиците русского языка и словесности, то есть в отсутствие канона классической русской литературы.

При Уварове была завершена разработка нового общего университетского устава, принятого в 1835 г. вместо прежнего устава 1804 г. Обыкновенно в литературе подчёркивался консервативный характер нового устава, сменившего прежний устав, либеральный, имея в виду ограничение университетской автономии. Изучение широкого европейского контекста истории русского университета показывает, что устав 1835 г. был русским отражением проходившего в Германии перехода к новой «гумбольдтовской» модели классического университета, начатой с открытием в 1809 г. по проекту В. фон Гумбольдта Берлинского университета³. Высказанное ещё в 1819 г. предложение Уварова разделить административно-хозяйственную часть университета от учебно-научной было поддержано правительством в ходе работы Комитета устройства учебных заведений 1826 г. Будучи уже во главе Министерства, Сергей Семёнович завершил создание централизованной системы управления учебными округами с ограниченной университетской автономией, сохранив

³ См. подробнее: (Андреев 2009: 503–548).

за Министерством право назначать профессоров из числа лиц, обладавших учёной степенью. Последним крупным его усилием в развитие и укрепление принципов новой европейской модели российского университета была исподволь возбуждённая им в Государственном совете в 1845 г. дискуссия о том, что такое профессор университета, учёный или преподаватель. Поводом для неё послужил вопрос о том, с какого времени считать профессора находившимся на государственной службе: с момента отправки лица, предназначенного для занятия кафедры, в обязательную заграничную стажировку или с момента начала им преподавания на кафедре. Император согласился с первым предложением. Таким образом, Уваров, доказывавший, что профессор — это прежде всего учёный, а его научные занятия — это род государственной службы, в споре с Департаментом законов Государственного совета во главе с Д. Н. Блудовым одержал победу⁴.

Отправка за границу на два года для продолжения обучения отборных выпускников университетов была одной из первых мер, инициированных императором Николаем I по ведомству народного просвещения. Командировки за казённый счёт выпускников, предназначенных к преподаванию в высших учебных заведениях, были затем продолжены и при Уварове, активно их поддерживавшем, были возведены в систему. Всего в 1835–1848 гг. профессорские кафедры в пяти императорских российских университетах заняло общим числом 122 молодых учёных, прошедших зарубежную стажировку, что составляло 57% от общего штатного состава, а с учётом тех, кто занял кафедры после зарубежных стажировок до принятия устава 1835 г., — 67% (Петров 2003: 62–63). В два с половиной раза выросло жалование профессорско-преподавательского состава. При этом общее количество профессоров в университетах увеличилось в среднем на треть. До уровня окладов университетских профессоров в среднем возросло жалование членов Академии наук.

Русским профессорам и преподавателям не дано было права заниматься дисциплинарными и финансовыми вопросами своих университетов, но они могли строить свою профессиональную деятельность и готовить собственные научные кадры для России, ориентируясь на самый высокий европейский академический стандарт.

При Уварове в университетах появились кафедры российской истории, российской словесности и истории российской литературы.

⁴ См.: Российский государственный исторический архив. Ф. 1149. Оп. 3. 1845 год. Д. 82.

Академия наук осуществила масштабную исследовательскую программу в области русской истории и языкознания. Именно с 1840-х гг. зарождаются отечественные научные школы. Русские университеты, русская наука теперь становятся явлением подлинно европейского масштаба, их значение начинает отмечаться на Западе.

Императорская Петербургская академия наук при Уварове впервые официально заговорила в своих собраниях и периодических изданиях на русском языке наряду с французским и немецким. В 1841 г. в качестве II Отделения в её состав вошла бывшая Российская академия после кончины её президента А. С. Шишкова. По инициативе Уварова в состав II Отделения вошли прославленные поэты — И. А. Крылов, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, видные историки и филологи — М. П. Погодин, П. М. Строев, А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, К. И. Арсеньев, выдающиеся церковные проповедники — митрополит Филарет (Дроздов), епископ Иннокентий (Борисов). Членами-корреспондентами Отделения стали известные лингвисты В. И. Даль, П. Шафарик, В. Караджич. Академия наук, как и университеты, сохраняла право самостоятельной цензуры своих изданий и право бесцензурного получения изданий зарубежных.

Не допуская проявления в подконтрольной ему публичной сфере панславистских политических тенденций, Уваров поддерживал развитие в России научного славяноведения, содействуя укреплению зарубежных контактов отечественных учёных, в частности, и со славистами. Соглашаясь с министром иностранных дел графом К. В. Нессельроде в том, что Россия заинтересована в сохранении внутренней стабильности как в Австрии, так и в Турции, он подчёркивал, что укрепляемые в настоящее время научные, культурные, духовные связи между Россией и зарубежными славянами послужат ей политическим ресурсом в будущем: «...иностранные кабинеты стремятся подорвать остатки нашего влияния на наших единоверцев; чтобы денационализировать славянское население, они пришли к соглашению отнять у них религиозную веру и их уверенность в нас. Этот способ эффективен, но не нов. Со своей обычной осмотрительностью Австрия употребляет его уже давно... один польский перебежчик предлагает Франции присоединиться к этому делу разрушения под двойным знаменем католицизма и либеральных идей... Для России этот вопрос совершенно противоположен видам Европы. В наших глазах точка объединения находится всецело в тождестве рели-

гиозных идей и исторических начал. Всякий, кто действует в противоположном смысле, есть враг, в каком бы цвете он ни представляется»⁵.

В соответствии с волей императора и правительственной традицией Уваров стремился низвести до минимума значение в России частного образования и, идя навстречу сословным представлениям дворянства, максимально вовлечь его в государственные учебные заведения.

Общерусская образовательная традиция под руководством Уварова получила утверждение в Западном крае, венцом чего было становление Университета св. Владимира, учреждённого в 1834 г. в Киеве. С учреждением в 1839 г. Варшавского учебного округа были сделаны первые шаги по введению российского образования в Царстве Польском. В соответствии с волей императора Николая Павловича в Дерптском учебном округе Уваров постепенно ввёл в преподавание и административное употребление русского языка наряду с немецким, преодолевая пассивное, но упорное сопротивление остзейского дворянства, поддерживаемого придворным лобби из влиятельных балтийцев. Во многом благодаря этому последнему в сочетании с интригами политических и личных соперников и недоброжелателей из числа бывших «арзамасцев» имя Сергея Уварова в мемуарно-эпистолярном нарративе притянуло к себе груз сплетен, инсинуаций и клевет, включая известный навет из эпиграммы А. С. Пушкина о якобы содомитских наклонностях президента Академии наук. Ни единого другого свидетельства, которое бы подтверждало подобное, до сих пор не найдено. Наиболее «подозрительной» в этом отношении могла показаться дружба молодого Уварова с принцем Ш.-Ж. де Линем, известным и таким пороком. Но дотошные исследователи эпистолярного наследия последнего и на предмет того, «насколько далеко заходила их взаимная симпатия», констатируют: «Тексты свидетельствуют о литературной игре, и не более того» (Веркрюйс, Строев 2022: 48). Великому поэту поставщиком «пикантных» сплетен служил Ф. Ф. Вигель: «Я люблю его разговор — он занимателен и делен, — отметил в дневнике Пушкин, — но всегда кончается толками о мужеложстве» (Пушкин 1996: 318).

С 1840-х гг. политические тенденции в отношении народного просвещения, заложенные ещё в александровскую эпоху и сохраняемые и умножаемые в дальнейшем, постепенно стали приносить плоды в виде широкого контингента подданных новой формации. Новому кадру граждан, формируемому университетами, пансионами, лицеями, гимназиями,

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 8 об. — 9, 11–13.

Уваров старался обеспечить серьёзную общественную перспективу. Ради этого он последовательно защищал уже имевшиеся привилегии выпускников учебных заведений на гражданской службе, венцом которых была введённая в 1834 г. система ускоренного производства чиновников со свидетельством об окончании гимназии или университета в продолжение всей службы. В меру своей должностной самостоятельности Уваров старался придать больше гибкости тяжеловесной и косной цензуре, постепенно завязывая нити взаимопонимания между администрацией и учёно-литературной общественностью.

В этом вопросе Уваров видел дальше императора Николая I и его окружения. Усилия министра народного просвещения, направленные на то, чтобы не отталкивать новое поколение, не допустить нарастания у него политически опасного для самодержавной России чувства невестребованности, в правящих верхах в конечном итоге не нашли понимания. Поведение образованного человека на государственной службе придворно-правительственной средой чаще воспринималось со скепсисом, а новые тенденции в литературе и журналистике возбуждали острую тревогу и политические опасения. Голоса, порицавшие политику Уварова, раздавались всё громче, и Николай I им внял под впечатлением европейских революций 1848–1849 гг. После ревизии цензуры Министерства народного просвещения, проведённой особым секретным Комитетом А. С. Меншикова, 2 апреля 1848 г. был создан особый Высший цензурный комитет, который быстро довёл состояние контроля над печатью фактически до полного хаоса и создал атмосферу «цензурного террора». В октябре 1849 г. Николай I учредил Комитет «для пересмотра постановлений и распоряжений по части Министерства народного просвещения» или «по пересмотру учебных уставов», куда, так же как и в Высший цензурный комитет, не вошёл никто из ведомства народного просвещения. Лишившись самостоятельности в области цензуры и оказавшись перед угрозой её потери в отношении народного просвещения, Уваров, воспользовавшись тяжёлой болезнью, подал в отставку с министерского поста.

Последние свои годы Уваров посвятил науке, в частности интеллектуальному общению в Поречье с московскими профессорами и другими учёными, участвовал вместе с Т. Н. Грановским и П. Н. Кудрявцевым в научных сборниках по классической древности, печатал мемуарные отрывки. Демонстрируя уважение к утверждённым им самим научным ин-

ституциям, он защитил в 1853 г. в Дерптском университете на латыни магистерскую диссертацию о происхождении болгар. Признание заслуг Уварова перед отечественным просвещением сохранялось в 1850-е гг. в общественном мнении, несмотря на яростное порицание императора Николая I и всего его царствования, вызванное болезненным переживанием неудачной Крымской войны, усугубленным атмосферой «цензурного террора». Европейский научный авторитет, интеллектуальная широта и внутренняя свобода давали повод современникам, а впоследствии порой и историкам, считать Уварова либералом. Но свою «либеральную» репутацию он обдуманно и последовательно использовал в конечном итоге в интересах самодержавия. В не предназначенных для публики воспоминаниях, посвящённых сыну, он не сказал ничего, что могло бы бросить тень на императора Николая I. С удовлетворением констатируя, что в результате его управления ведомством народного просвещения пришло поколение, которое, будучи во всеоружии фундаментальной европейской науки, «лучше знает Русское и по-Русски», чем поколение самого Сергея Семёновича, один из лучших его образцов он видел в своём сыне. Граф Алексей Сергеевич при жизни отца закончил Петербургский университет и, служа, как некогда отец, в ведомстве иностранных дел, в Европе довершил своё образование в университетах Берлина и Гейдельберга. Летом 1848 г. он совершил путешествие по российскому Причерноморью и опубликовал в 1851 г. с использованием собранных в экспедиции материалов свою первую работу — «Исследования о древностях Южной России и берегов Чёрного моря». В том же 1851 г. по императорскому повелению провёл раскопки в Суздальском Спасо-Ефимиевом монастыре и обнаружил точное место захоронения национального героя России князя Дмитрия Михайловича Пожарского.

Одним из последних сочинений, оставленных в виде рукописей, по-видимому также для сына, была записка Сергея Семёновича «Об отношениях Государства с Церковью в России».

Поводом для неё послужила полемика в Европе, вызванная статьёй Ф.И. Тютчева «Папство и Римский вопрос», опубликованной в 1850 г. в Париже на страницах «Журнала Старого и Нового света» («Revue des Deux Mondes»). Французский консервативный публицист и политический симпатизант императора Николая I П.-С. Лоранси напечатал два года спустя книгу «Папство. Ответ г. Тютчеву». Через год А.С. Хомяков опубликовал в Париже свои знаменитые впоследствии «Несколько слов

православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси». Революция, по мысли Тютчева, являлась третьей фазой самоутверждения человеческого «я» после католицизма и протестантизма. Следовательно, для укрощения Революции и преодоления духовного кризиса в Западном мире Римская Церковь должна вернуться в лоно Вселенской Церкви. Лоранси согласился с идеей политической контрреволюционной миссии России в Европе, но отверг тютчевское понимание её духовно-религиозного содержания. По его мнению, спасение западного христианства от революционного разрушения состоялось бы тем вернее, если бы император Николай I со своей монархией перешёл в католичество. Уварова же волновали скорее церковные вопросы в аспекте внутренней политики России, и он тогда не имел оснований надеяться увидеть опубликованным своё сочинение подобно Тютчеву, получившему на то разрешение Николая Павловича лично. Во внешней политике России за Революционным кризисом 1848–1849 гг. наступил Восточный кризис 1850-х гг., начавшийся со спора о Святых местах. Во внутренней политике шла, по позднейшему выражению официального источника, «эпоха цензурного террора» (Лемке 1907: 308). Итак, записка Уварова «Об отношениях Государства с Церковью в России» была написана им не ранее 1852 г.

Отношения между Троном и Алтарём, или, говоря иначе, между правительством и духовенством и в Европе, и в России, подчёркивал Уваров, относятся к сфере высокой политики. Что же для неё может извлечь из своих наблюдений ответственный исследователь данной проблемы?

«Важнейшим фактом, доминирующим в этом важном вопросе, — говорит Уваров, — является идентичность религиозного общества и политического общества в России. Летопись её девятивековой истории является лишь продолжающимся развитием этого положения вещей. В России Церковь не заключена в государство или государство — в Церкви. Эти две силы также не находятся рядом друг с другом. В России государство и Церковь одно целое, а политическое сообщество имеет санкции только в религиозной общине. Нельзя выйти из первого, не покинув их обоих сразу. Чтобы поддерживать существующий порядок вещей, необходимо тесное согласие двух принципов. Вместе они полны молодости и будущего; разлучённые, они не могут существовать, потому что их происхождение общее, и они жили, они всё ещё живут одной жизнью.

Великая тайна нашей политической, гражданской и религиозной истории — это договор между двумя органическими принципами, скреплённый девятью веками сосуществования, этот договор настолько сильный, что нигде не написан, но он наложил свой отпечаток на всё в России. Если бы людям было дано разорвать этот союз, это жизненно важное соглашение, удар был бы смертельным для государства и смертельным для Церкви. Она, будучи изгнана из кремлёвских соборов и катакомб в Киеве, получила бы убежище только в Восточной Фиваиде, откуда она вышла. Россия, ввергнутая в бурю протестантизма, раскололась бы на столько же государств, сколько много на неё обрушилось бы различных угрызений совести после того, как она до конца жизни исчерпала бы горькую чашу религиозных и политических разочарований и подверглась бедствиям двойной революции. Давайте не будем заблуждаться: в этой картине нет ничего сложного. Наше спасение — это цена более или менее твёрдого, более или менее полного убеждения в том, что нерушимая связь в России должна объединить политическое и религиозное общество под угрозой того, что они оба рухнут»⁶. Что же именно, почему и как может угрожать этому единству?

Уваров не усматривает здесь серьёзной опасности со стороны католицизма. «Относительно дискуссий, которые ведутся с Римской курией, полезно и уместно привести эти отношения в регулярное состояние. Две католические церкви могут часто сталкиваться друг с другом, именно потому, что они являются двумя половинами целого, разделённого насильственно человеческими страстями, а не разделением догматов, оставшихся нетронутыми и в том, и в другом»⁷. Здесь можно усмотреть нетвёрдость у Уварова православного догматического сознания. Но более вероятно, что он, скорее всего, лишь неосторожен или небрежен в экклезиологических формулировках в тексте, к публикации не предназначенном, если вспомним одно широко известное во времена его молодости сочинение его великого современника — тогда профессора Санкт-Петербургской духовной академии архимандрита Филарета (Дроздова) — «Разговор испытующего с уверенным о Православии Восточной Греко-Российской Церкви» (СПб., 1815):

«Испытующий. — Так разве я должен почитать истинной, например, и Римскую Церковь?

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 46 об. — 48.

⁷ Там же. Л. 65 об. — 66.

Уверенный. — Ты непременно хочешь заставить меня судить. Знай же, что, держась вышеприведённых слов Священного Писания, никакую Церковь, верующую, яко Иисус есть Христос, не дерзну я назвать ложной. Христианская Церковь может быть только “чисто истинная”, исповедующая истинное и спасительное Божественное учение без примесей ложных и вредных мнений человеческих, либо “не чисто истинная”, примешивающая к истинному и спасительному веры Христовой учению ложные и вредные мнения человеческие...» (Филарета творения 1994: 408).

Главную и самую серьёзную угрозу, по убеждению Уварова, представляет собой протестантизм — угрозу как искушение человека духом времени, как анархию доктринерствующего рассудка, как враждебную, разрушительную стихию. Его влияние отчётливо видно в истории церковно-государственных отношений в России за истекшие полтора столетия.

Синодальную реформу Петра I Уваров принимает как факт, находя в ней как бы элемент неизбежного. Подчёркивает при этом, что преобразователь России всё-таки не уподобился по отношению к Церкви протестантским монархам Германии и Англии и, учреждая Святейший Синод, просил благословения Восточных Патриархов. Протестантские тенденции Сергей Семёнович усматривает в появлении выражения «Греко-Российская Церковь», как бы с присутствием оттенка национальности в сочетании с появлением в богослужебном чине анафематствования прямого упоминания папы Римского, принятого благодаря епископу Феофану (Прокоповичу), приверженцу протестантских доктрин, при императрице Анне Иоанновне. Усматривает протестантские тенденции в секуляризации церковных земель при Екатерине II. Видит то же в легкомысленном наименовании себя «Главой Церкви» Павлом I. Особенно пагубным Уваров считает опыт учреждения Министерства духовных дел и народного просвещения при Александре I, способствовавшем небывалому по своим масштабам распространению протестантской стихии. «Таким образом Православная Церковь была уравнена с принятыми или терпимыми культами в России, сравнялась с государственными школами... дух самого возвышенного протестантизма, смешанный с самым нечистым мистицизмом, проник в Россию вместе с Библейским обществом: это произошло в самых причудливых формах вторжения методистской пропаганды в Российскую Церковь, и мы не забыли, что эта Церковь, удивлённая и обезоруженная, была далека от того, чтобы

найти во всех своих пастырях сплочённое и компактное ополчение, которое стремилось защищать свои права и сохранять своё достоинство. Это было время полной неразберихи, из которой мы вышли только через своего рода государственный переворот и резкое возвращение к старым принципам правления. Долгое время эта безрассудная попытка была источником серьёзных трудностей и взаимных недоразумений...»⁸

Отношение к внутрицерковным делам у русской политики должно быть осторожным, внимательным к особенностям различных категорий духовенства и настроений народа, где возможны напряжённость и конфликты. Для священноначалия неудивителен возможный интерес и тяга к определённой стороне римо-католицизма. «Высшее духовенство, ищущее поддержки в каноническом праве, охотно согласилось бы с абсолютными принципами Римской курии. Между епископом Восточной Церкви и епископом Западной Церкви существует идентичность и, как следствие, совершенная солидарность... — полагает Уваров. — Принцип епископской независимости, доктрины которого, названные ультрамонтанскими, являются наиболее преувеличенным выражением, адаптированным к особым обстоятельствам или изменённым в зависимости от страны, представляет собой секретную веру, которую каждый епископ носит в глубине души, даже если он не исповедует её высоко...»⁹ Белое духовенство может тяготиться епископской властью или, скажем, тяготиться полной материальной зависимостью от прихожан.

И наконец, особую проблему в России представляют собой раскольники, принципиально не имеющие аналогов в западных еретических движениях. Консолидирующее в негативном смысле воздействие на них особенно оказало упразднение патриаршества Петром I. В их среде быстрее идёт распространение сектантства.

При том что со стороны Церкви не приходится ожидать серьёзных покушений на политическую власть, государство должно сейчас особенно блюсти невмешательство во внутрицерковные дела, в каноническую власть высшего духовенства, в прерогативы священноначалия — таким выглядит главное практическое следствие из уваровского неприятия протестантизма. Настоящая катастрофа может произойти в том случае, если

⁸ Там же. Л. 44–44 об., 44 об. — 45.

⁹ Там же. Л. 56–56 об.

политика навязет Церкви Реформу. Верующий церковный народ в подавляющем большинстве её категорически не примет и массами устремится в раскольники. Это и будет той самой, пагубной и бедственной, революцией, которая погубит и Церковь как сообщество, и государство.

Своё стремление к объективности Уваров особенно подчёркивал: «Мы намеренно отклоняем... любые проявления религиозных или политических пристрастий. Мы не говорим: “Восточная Церковь лучше Западной Церкви”. Мы не говорим: “Она превосходит реформатские культы чистотой своих доктрин и ценностью”. Более того, мы не говорим: “Нынешняя форма правления в России — единственная, которая подходит для страны”. Мы просто говорим политикам: “Без Русской Церкви такой, какая она есть, никак не будет Российской Империи такой, какая она есть. Это в совершенно ином смысле, чем Римская аксиома, но с такой же чёткостью, с какой мы очень ясно устанавливаем этот принцип: “вне Церкви нет спасения”»¹⁰.

Возвращаясь в конце 1840-х гг. в частных разговорах к проблеме крепостного права, Уваров подчёркивал, что её решение сопряжено с риском сотрясти всю Российскую империю, «здание Петра I поколеблется». Предстоит учесть аграрный вопрос: безземельного освобождения крестьяне не поймут, дворяне болезненно воспримут перспективу отчуждения своей собственности. Институт крепостного права связан как с политической, так и с церковной дисциплиной, «древо... осеняет и Церковь и Престол» (Барсуков 1895: 308). С его уничтожением следует ожидать появления дворянской оппозиции самодержавию с требованием политических прав в качестве компенсации. Появятся центробежные тенденции, «могут отойти даже части — Остзейские провинции, сама Польша» (Барсуков 1895: 307). Главным орудием стратегической подготовки безопасного упразднения крепостничества он считал распространение просвещения (Барсуков 1895: 308).

Увидеть государственное здание Петра Великого поколебленным Уварову было не суждено. Скончавшегося 4 сентября 1855 г. в Москве президента Академии наук отпевал сам митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) в домовый церкви Московского университета в присутствии профессоров и студентов, а также великой княгини Елены Павловны, в салоне которой в Михайловском дворце в Петербурге уже собирались будущие деятели Освободительных реформ 1860–1870 гг.

¹⁰ Там же. Л. 48–48 об.

Тело графа Сергея Семёновича было погребено в родовой усыпальнице в селе Холм Гжатского уезда Смоленской губернии дворовыми Пореченского имения, по завещанию отпущенными им на волю, в присутствии сына и дочери, а также преданного ему сына крепостного крестьянина профессора М. П. Погодина...

«Мы, то есть люди девятнадцатого века, в затруднительном положении: мы живём среди бурь и волнений политических, — говорил Уваров в кругу своих доверенных сотрудников, будучи министром народного просвещения. — Народы изменяют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперёд. Никто здесь не может предписывать своих законов. Но Россия ещё юна, девственна и не должна вкушать, по крайней мере теперь ещё, сих кровавых тревог. Надобно продлить её юность и тем временем воспитать её. Вот моя политическая система... Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно» (Никитенко 1955: 174).

Революция и пришла в Россию через пятьдесят лет после его кончины.

Сведения об авторе

Шевченко Максим Михайлович — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, 119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4; email: shevch_mm@mail.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. — М. : Знак, 2009. — С. 503–548.

Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 т. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. — Кн. IX. — 499 с.

Веркрюйс Ж., Строев А. «Будь Вы рядом, я бы не заставлял стелать ни печатный станок, ни читателей...». Предисловие к русскому изданию // Принц Шарль Жозеф де Линь. Переписка с русскими корреспондентами. — М. : Новое литературное обозрение, 2022. — 576 с.

Десятьева М. И. Религиозно-философская мысль Жозефа де Местра в контексте формирования консервативных традиций Европы и России. Диссертация ... доктора филос. наук. 2009. — 321 с.

Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I. Публикация М. М. Шевченко // Река времён: книга истории и культуры. — М. : Эллис Лак : Т-во «Река времён», 1995. — Кн. 1. — С. 70–72.

Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. — СПб. : Тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1904. — 427 с.

Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. — М. : Гослитиздат, 1955. — Т. 1. — 543 с.

Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. — М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 2003. — Т. 4. Российские университеты и люди 1840 годов. Ч. 1. Профессура. — 584 с.

Пушкин А. С. Дневник 1833–1835 // Полн. собр. соч. : в 17 т. — М. : Газетно-журнальное объединение «Воскресенье» : Известия, 1996. — Т. 12. — 588 с.

Уваров С. С. Император всероссийский [Александр I] и Бонапарте. — СПб. : Тип. Ф. Дрехслера, 1814. — 51 с.

Уваров С. С. О преподавании истории относительно к народному просвещению. — СПб. : Тип. Ф. Дрехслера, 1813. — 28 с.

Уваров С. С. Речь президента Императорской академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института, 22 марта 1818 года. — СПб. : Тип. Департамента нар. просвещения, 1818. — 63 с.

Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. — М. : Отчий дом, 1994. — 475 с.

Шевченко М. М. Записка С. С. Уварова о крепостном праве в России (1830/31) // Тетради по консерватизму. — 2018. — № 1. — С. 348–359.

Шевченко М. М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. — 2002. — № 4. — С. 89–104.

Political portrait of S. S. Uvarov (1786-1855): «No Russian Empire without the Russian Church»

M. M. Shevchenko

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

Abstract: Abstract. This essay outlines the political portrait of Sergey Uvarov, one of the outstanding statesmen of the Alexander's and Nicholas's epochs. It so happens that until modern times the historical literature fight with Sergey Uvarov's shadow rather than studied his works. Only the gradual reconstruction and comprehension of the conservative component of the historical process in the Russian science and literature made it possible to confidently discuss Uvarov as a politician. He had laid the foundations of an integral and full-fledged system of domestic education, on the basis of which socio-cultural changes had grown in the society, serving as the initial and necessary ground for all real achievements of the second half of the 19th – early 20th centuries in the field of the state-building and the development of civil society, science, literature and art. Uvarov's worldview was close to conservative European romanticism, which attached an extremely important cultural significance to the national religion. At the same time, the object of his personal studies had been Russia and its past and present. Uvarov managed to fundamentally strengthen and expand this component in domestic education, which, in keeping with the spirit of the policy of Emperor Nicholas I, had grown into a full-fledged system under Uvarov's direct participation and leadership. Upon reconsideration of his official and political experience during the reign of Emperor Alexander I, Uvarov suggested that his successor used the national enlightenment in its conservative model as a strategic preparation for the abolition of the serfdom in Russia. The new generation was to become “primarily Russian in spirit rather than European in education”, to

study “Russian things in Russian” unlike its Westernized predecessors, and to have a moral need to free their serfs, just as the latter had to be prepared to take their freedom responsibly. The essay introduces to the academic community one of the later handwritten works by Uvarov, devoted to relations between the state and the Church in Russia, which was heretofore little or completely unknown and is important for understanding Uvarov’s historical significance as a political notionalist and statesman.

Keywords: Russia, S. S. Uvarov, conservatism, liberalism, nationalism, Alexander I, Nicholas I, politics, Church, Orthodoxy, Catholicism, Protestantism, education, science, censorship, the triad “Orthodoxy, Autocracy, Nationalism”.

For citation: Shevchenko M. V. (2021). Political portrait of S. S. Uvarov (1786-1855): “No Russian Empire without the Russian Church”. *Orthodoxia*, (3), 42–72. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-3-42-72

About the author:

Maxim M. Shevchenko — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, 27-4, Lomonosovsky prospect, Moscow, Russia, 119192; email: shevch_mm@mail.ru

REFERENCES

Andreev, A. Iu. (2009). *Rossiiskie universitety XVIII — pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy* [Russian Universities of the 18th — First Half of the 19th Centuries in the Context of European University History] (pp. 503–548). Moscow: Znack. [In Russian].

Barsukov, N. P. (1895). *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina : v 22 t.* [Life and Works of M. P. Pogodin in 22 volumes] (Vol. IX). Saint Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha. [In Russian].

Degtiareva, M. I. (2009). *Religiozno-filosofskaia mysl' Zhozefa de Mestra v kontekste formirovaniia konservativnykh traditsii Evropy i Rossii* [Religious and Philosophical Thought of Joseph de Maistre in the Context of the Formation of Conservative Traditions in Europe and Russia]. [Dissertation of Doctor of Philosophical Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences]. Moscow. [In Russian].

Doklady ministra narodnogo prosveshcheniia S. S. Uvarova imperatoru Nikolaiu I [Reports of the Minister of Public Education S. S. Uvarov to Emperor Nicholas I]. (1995). In *Reka vremen: kniga istorii i kul'tury*

[The River of Times: A Book of History and Culture] (Vol. 1, pp. 70–72). Moscow: Ellis Lak: Tov-vo “Reka vremen”. [In Russian].

Filaret, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo, Tvoreniiia [Works of Filaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna]. (1994). Moscow: Otchii dom. [In Russian].

Lemke, M. K. (1904). *Ocherki po istorii russkoi tsenzury i zhurnalistiki XIX stoletii* [Essays on the History of Russian Censorship and Journalism of the 19th Century]. Saint Petersburg: tip. Spb. t-va pech. i izd. dela “Trud”. [In Russian].

Nikitenko, A. V. (1955). *Dnevnik: v 3 t.* [Diary in 3 volumes] (Vol. 1). Moscow: Goslitizdat. [In Russian].

Petrov, F. A. (2003). *Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniia v Rossii* [Formation of the System of University Education in Russia] (Vol. 4, part 1: Russian Universities and people of 1840s. Part 1. Professors). Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta. [In Russian].

Pushkin, A. S. (1996). *Dnevnik 1833–1835* [Diary of 1833–1835]. In *Complete Works in 17 volumes* (Vol. 12). Moscow: Gazetno-zhurnal’noe ob’edinenie “Voskresen’e”: Izvestiia. [In Russian].

Shevchenko, M. M. (2002). Poniatie “teoriiia ofitsial’noi narodnosti” i izuchenie vnutrennei politiki imperatora Nikolaia I [The Concept of “The Theory of Official Nationalism” and the Study of the Domestic Policy of Emperor Nicholas I]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 8. Istoriia*, (4), 89–104. [In Russian].

Shevchenko, M. M. (2018). Zapiska S. S. Uvarova o krepostnom prave v Rossii (1830/31) [Note by S. S. Uvarov on serfdom in Russia (1830/31)]. *Tetradi po konservatizmu*, (1), 348–359. [In Russian].

Uvarov, S. S. (1813). *O prepodavanii istorii otnositel’no k narodnomu prosveshcheniiu* [On the Teaching of History in Relation to Public Education]. Saint Petersburg: V tipografii F. Drekhslera. [In Russian].

Uvarov, S. S. (1814). *Imperator vserossiiskii [Aleksandr I] i Bonaparte* [All-Russian Emperor [Alexander I] and Bonaparte]. Saint Petersburg: Tip. F. Drekhslera. [In Russian].

Uvarov, S. S. (1818). *Rech’ prezidenta Imperatorskoi Akademii nauk, popechitelia Sankt-Peterburgskogo uchebnogo okruga, v torzhestvennom sobranii Glavnogo pedagogicheskogo instituta, 22 marta 1818 goda* [Speech of the President of the Imperial Academy of Sciences, Trustee of the St. Petersburg Educational District, at the Solemn Meeting of the Principal Pedagogical Institute at March 22, 1818]. Saint Petersburg: Tip. Departamenta nar. Prosveshcheniia. [In Russian].

Verkriuis, Zh., Stroev, A. (2022). “Bud’ Vy riadom, ia by ne zastavliai stenat’ ni pechatnyi stanok, ni chitatelei...” Predislovie k russkomu izdaniiu [“If You Were Near, I Would Not Make Either the Printing Press

or Readers Moan...” Preface to the Russian edition]. In *Prints Sharl' Zhozef de Lin'. Perepiska s russkimi korrespondentami* [Prince Charles Joseph de Ligne. Epistolary with Russian Correspondents]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [In Russian].